

Мария КИТАЕВА

ЭНЕРГИЕЙ ВПЕРЁД ВЛЕКОМЫЙ...

Иосифа Куралова – поэта – открыл на одном из сибирских семинаров молодых писателей Юрий Кузнецов: о Куралове сразу заговорили, заспорили, стихи его цитировали в поэтических компаниях, а кое-кто и стал завидовать: ещё бы, сам Кузнецов, кумир тех лет и мэтр, благословил его на путь поэта.

И сейчас, когда прошло время, когда поэзия из культового и, более того, официально признанного и одобряемого властью занятия, превратилась в явление маргинальное, а тиражи стихотворных сборников стали мизерными, Иосиф Куралов с этого пути не сошёл.

Угадывается до сих пор в его стихах и поэмах некий изобразительный отблеск поэтики учителя, более того, даже лирический герой поэм Иосифа Куралова близок (но не идентичен) лирическому герою раннего Ю. Кузнецова. Оба они несут в себе тоску по единственной подлинной лирической подруге, но оба проявляют характерные черты Дон-Жуанства.

Душа моя повита дымкой скуки,
А проводницы голос серебрист.
Она смеётся: – Уберите руки!
Вы всё равно не женитесь, артист.
Оставим эти шутки в стороне,
И я считаю это невозможным.
Гражданка, в одиночестве дорожном
Не думайте так плохо обо мне.
(Юрий Кузнецов)

В отличие от Кузнецова, который был поэтически склонен вносить глубокую эмоциональность даже в мимолётный порыв, хотя и облекая её в ироничную форму, Куралов аналитичнее и жёстче оценивает такие порывы и лирического героя, его ирония не от самозащиты – она от индустриальной трезвости:

Героя вы в толпе встречали,
Но от других не отличали:
Завёрнут в импортный кожан,
Познавший многие печали,
Похож на массу горожан,
Энергией вперёд влекомый,
Всё время с новенькой знакомой,
Индустриальный Дон-Жуан.
(Иосиф Куралов)

И отблеск кузнецовской символичности в стихах Куралова лишён и метафизической, и архетипной глубины Кузнецова, поскольку заменён метафоричностью, хотя и оригинальной, яркой:

Герой, шагая по дороге,
Об эти лбы изранил ноги.
На твёрдой плоскости земли
Они валяются в пыли.
До неба светлые столбы,
А в них — невидимые лбы.
В овраг заглянешь — лоб лежит,
В пустых глазницах свет дрожит.
(Иосиф Куралов)

Здесь легко угадывается Кузнецов (с пушкинским прообразом из «Руслана и Людмилы»), но у Куралова не чувствуется экзистенциального страха перед этими лежащими в пыли лбами, потому что за ними просматривается не сновидный слой реальности, пугающий мистическими, неизведанными и совершенно бессознательными образами, а, скорее, политические современные подтексты.

Именно последнее резко отделяет поэтику Иосифа Куралова от поэтики Юрия Кузнецова, помещая в иное пространство стихотворного космоса, но это же и делает его самостоятельным поэтом, похожим более всего на самого себя.

Знаки современности, пусть и трансформированные в метафорический контекст, легко просматриваются и в поэме «Супермен» (название настолько говорящее, что не требует комментариев):

**Но есть Труба в краю родимом,
Наполненная горьким дымом.**

И в маленькой поэме «Красный пиджак»:

**Ярко красный самоходный
Новорусский светофор.
Никакой любви народной
От ночных колёсных свор.**

Правда, замечу вскользь, что «новорусские» пиджаки той эпохи были малиновыми, но идея поэмы (замена красного знамени на красный пиджак) потребовала изменения если не цвета, то оттенка.

В общем-то Куралов вводит эти знаки современности во все стихи и во все поэмы. Он быстро и остро откликаем на сигналы реальности. Но откликаем, повторю, не эмоционально, а интеллектуально.

Он играет контекстами: здесь и Пушкин, и Лермонтов, и Блок, а из современников советской эпохи и Шкляревский, поэма которого (мне не удалось её найти в интернете, и потому пишу исключительно по памяти) с рифмой «дуло» (пистолета) – «дуло» (глагол) тоже аукнулась в поэмах Иосифа Куралова, да и стиль некоторых ранних стихов которого тоже просматривается. Напомню из Игоря Шкляревского:

**А от нахлынувшей печали
Мой боцман, Юрий Корольков,
Сыграть задумал на рояле.
Рояль чернел как полынья!
Лишь кромка узкая белела.
И боцман, глянув обалдело,
Застыл, как прачка у белья.
Но всё-таки не растерялся
И что-то там заполоскал,
Но тут же он перестарался
И палец в клавишах застрял.**

Но здесь же и метаметофористы, и фольклор... Вообще, Куралов поэтический виртуоз. Он иронично и легко соединяет, казалось бы, несоединимое: и лиризм, и иронию, и фольклорные мотивы, и как постмодернист (слово сомнительное, но примем его за некий литературный знак времени) часто обыгрывает цитаты:

**Ночь. Пустыня внемлет Богу.
Млечный путь блестит в реке.
Выхожу я на дорогу
В новом русском пиджаке.**

Правда, мне стало немного жаль лермонтовской эмоциональной глубины, она утеряна. Это обычный случай иронического обращения с текстом. Глубинная эмоция, которая у того же Юрия Кузнецова никогда сама по себе не подвергалась полному ироническому разрушению, у Иосифа Куралова уже отсутствует, она как бы не отвергнута, но сразу вынесена за скобки стиха, поставлена под сомнение, точно недоказанная математическая теорема. Даже любовные признания лирического героя звучат слишком легко, чтобы вызывать доверие: они самоироничны.

Вот отрывок из поэмы «Пир»:

**В твоих ладошках навсегда
Воскресла мёртвая вода!
Коль упаду на поле бранном,
Воды в ладошках принеси,
От имени Всея Руси,
Чтоб стал татарин гостем званым!
Целуя пальчики твои,
Воскресну! Только напой!**

Или портрет влюбленных:

**Влюблённые цвели в ответ.
На лицах — никакой печали.
Они его не замечали.
Сиянье набирало цвет.**

**Над ними радуга вставала.
Её цветная полоса
Сквозь потолок полуподвала
Ушла вершиной в небеса.**

Казалось бы, это «про любовь», однако Куралов всегда от чувства как бы отделён невидимой преградой, он смотрит сквозь стекло, он – наблюдатель, и потому в описаниях объективен, поскольку эмоционально не идентифицирован с героем полностью. Он, если так условно представить, только начав испытывать чувство, из этого чувства выпрыгивает, точно из актёрского костюма, сразу же предпочтя роль режиссёра, а чаще даже – умного и ироничного зрителя.

В первой цитате из поэмы «Пир» мне бы хотелось обратить внимание на просьбу лирического героя: «Воды в ладошках принеси, От имени Всея Руси, Чтоб стал татарин гостем званым!», потому что Иосиф Куралов соединил в себе и в своей поэзии национально-татарское и словесно-русское. Кемеровский край – край потомков русских первопроходцев, но не в меньшей, если не в большей степени, край шорцев и сибирских татар, вообще сибирский плавильный котёл, явление уникальное. И, может быть, потому так интересна вообще кемеровская поэзия: каждое имя там самобытно, каждый поэт заслуживает внимания критики и эмоционального читательского соучастия.

г. Москва